

Прошлое и настоящее египтологій.

I.

Шампольонъ и дешифровка иероглифовъ.

Начало египтологіи, какъ науки, навсегда останется связаннымъ съ Наполеоновскою экспедиціей и находкой Розеттскаго камня. Правда, и прежде дѣлались попытки переводить египетскія надписи. Но эти попытки носили, конечно, совершенно фантастическій характеръ. Такъ, ученый иезуитъ XVII-го вѣка о. Аванасій Кирхеръ истолковывалъ семь иероглифовъ, передающихъ греческое слово *αὐτοχράτωρ*, слѣдующимъ образомъ: *Osiris foecunditatis auctor est, cuius generationis facultatem e coelo in suum regnum sacer Mophtha trahit* (т. е. „Осирись—создатель плодородія, производительную способность котораго призываетъ съ неба въ свое царство святой Моффа“). Впрочемъ, нѣкоторымъ ученымъ XVII-го и XVIII-го вв. принадлежатъ совершенно правильныя наблюденія въ этой области. Такъ, этотъ же самый Кирхеръ высказалъ вполне правильную мысль о родствѣ коптскаго языка съ древне-египетскимъ. А датскій археологъ Георгъ Соэга ¹⁾ въ книгѣ *De origine et usu obeliscorum* сдѣлалъ въ высшей степени важное наблюденіе, что такъ наз. картуши, т. е. овалы, окружающіе иногда иероглифы, заключаютъ въ себѣ царскія имена. Тѣмъ не менѣе, первый толчокъ развитію египтологіи, какъ самостоятельной науки, данъ былъ неожиданной находкой такъ называемаго Розеттскаго камня. Какъ извѣстно, въ августѣ 1799 г. при копаніи шанцевъ у форта

¹⁾ Zoëga О немъ см. нынѣ А. В. *Drachmann*, *Udvalgte Afhandlinger*, Kjøbenhavn og Kristiania 1911, стр. 215—231; у насъ неправильно пишутъ *Цоэга*: вѣдь это датскій ученый, хотя и итальянскаго происхожденія.

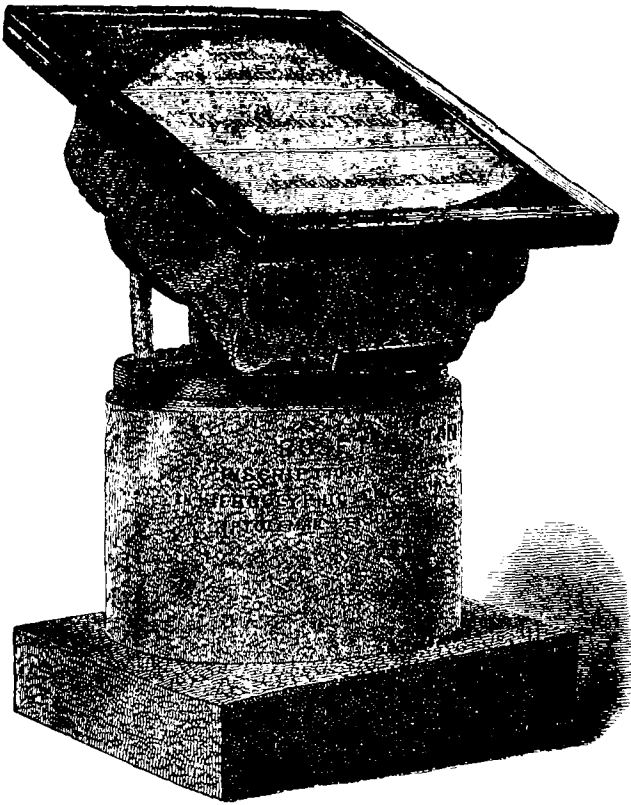

Рис. 1. Розеттскій камень.

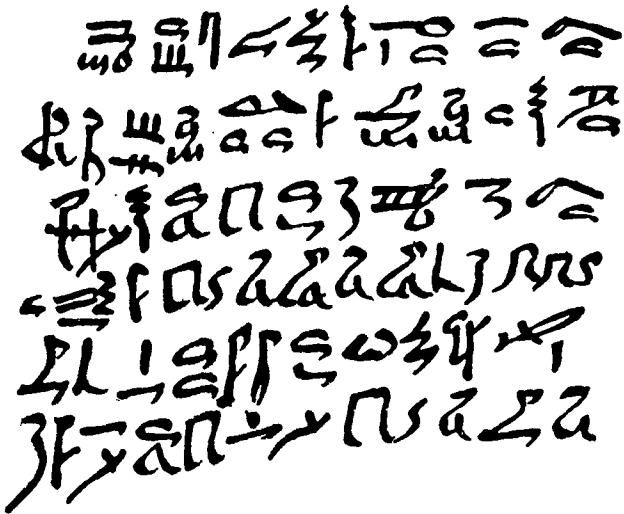

Рис. 2. Образецъ іератическаго письма.

St. Julien близъ Розетты инженеромъ Бушаромъ (Bouchard) найдена была плита изъ темнаго базальта, на которой начертана была надпись на трехъ языкахъ — древне-египетскомъ (іероглифами), демотическомъ и греческомъ. Заключительныя слова греческаго текста *τοῖς δὲ ἱεροῖς καὶ ἐυχωτοῖς καὶ ἑλληνικοῖς ὑράμισιν* ясно свидѣтельствовали о томъ, что помѣщенные выше его на камнѣ два непонятныхъ текста содержали въ себѣ то же постановленіе жрецовъ въ честь юнаго царя Птолемея V Эпифана 196 г. до Р. Хр., которое начертано было греческими письменами. Послѣ капитуляціи Александріи и очищенія французами Египта Розеттская надпись попала, вмѣсто Лувра, въ Британскій музей, и ученые различныхъ

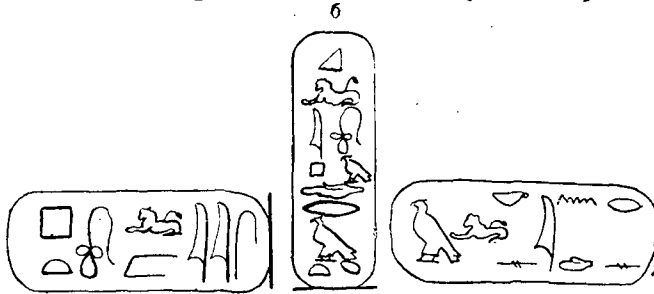

Рис. 3.

національностей наперерывъ старались разгадать тайну непонятныхъ знаковъ при помощи вполне понятнаго греческаго перевода текста. Много дѣлалось предположеній, много выставлялось догадокъ, то фантастическихъ, то вполне правильныхъ, а многовѣковая загадка все еще ждала своего Эдипа, пока, наконецъ, гениальный французъ Франсуа Шампольонъ не нашелъ ключа къ чтенію іероглифовъ.

Жизнь и научная дѣятельность Шампольона выяснились для насъ во всей полнотѣ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда появилась первая обширная біографія этого замѣчательнаго человѣка, въ 2-хъ томахъ, составленная нѣмецкой писательницей Герминой Гартлебенъ на основаніи цѣлаго ряда неопубликованныхъ матеріаловъ. По справедливому замѣчанію англійскаго историка *Gooch'a*, въ лѣтописяхъ науки нѣтъ болѣе удивительной страницы, чѣмъ короткая карьера этого гениальнаго человѣка ¹⁾.

¹⁾ *G. P. Gooch*, History and Historians in the nineteenth Century, London 1913, стр. 497.

Жанъ Франсуа Шампольонъ родился 23 декабря 1790 года (нов. ст.) въ небольшомъ городкѣ Фижакѣ (Figeac) департамента Ло (département du Lot) на югѣ Франціи, въ семьѣ зажиточнаго книгопродавца. Первые годы дѣтства Шампольона совпали съ Великой революціей и омрачены были кровавыми сценами и ужасами террора. Къ этому времени относится одинъ эпизодъ, который надолго сохранился въ памяти Шампольона, и который прекрасно характеризуетъ будущаго борца за истину и справедливость. Однажды, когда во всей Франціи провозглашена уже была республика, онъ проходилъ, вмѣстѣ со своею матерью, мимо одного дома, на порогѣ котораго сидѣлъ нищій, протягивавшій прохожимъ свою дырявую шляпу съ просьбой о милостынѣ. Стараясь не задѣть ногъ старика, маленькій Франсуа только что успѣлъ опустить въ шляпу мелкую монету, какъ вдругъ одинъ изъ вожаковъ революціонной партіи, приблизившись къ слѣпцу, ударомъ палки заставилъ его подняться и уступить дорогу. Въ порывѣ негодованія ребенокъ бросился на незнакомца со словами: „Гадкая палка! Ты слушаешься этого злого человѣка, вмѣсто того, чтобы отколотить его самого“ (Vilaine canne, tu obéis à ce méchant homme que tu devrais plutôt rosser!).—„Гражданка“, сказала якобинецъ растерявшейся отъ неожиданности матери: „подрѣжьте клювъ и когти своему птенцу (oisillon), чтобы этого не пришлось сдѣлать другимъ!“¹⁾

Еще ребенкомъ Шампольонъ любилъ забираться въ книжный магазинъ отца съ бумагой и карандашемъ въ рукахъ, срисовывать тамъ печатныя буквы и набрасывать еще слабою, неувѣренною рукой различныя рисунки. Согласно преданію, онъ самъ, безъ посторонней помощи, научился читать и писать, сравнивая заученныя имъ съ помощью матери мѣста изъ Служебника съ текстомъ книги; въ виду этого, уже весною 1797 года старшій братъ его Жакъ Жозефъ началъ систематически заниматься съ мальчикомъ, въ геніальность котораго вѣрила вся семья²⁾. Но занятія эти вскорѣ были прерваны вслѣдствіе вновь наступившихъ смуть въ странѣ. Въ ноябрѣ 1798 г. мальчикъ отданъ былъ въ школу, но ока-

¹⁾ Н. Hartleben, Champollion, sein Leben und sein Werk I (Berlin 1906), стр. 12—13.

²⁾ Н. Hartleben, I, стр. 14—15.

зался плохимъ ученикомъ, особенно неспособнымъ къ ари-метикѣ; убѣдившись въ непримѣнности педагогическаго шаблона къ гениальному ребенку, старый каноникъ Dom Calmet рѣшилъ взять на себя руководство умственнымъ развитіемъ маленькаго Франсуа; онъ раскрывалъ передъ нимъ, во время прогулокъ, тайны окружающей природы и едва успѣвалъ удовлетворять любознательность мальчика. Игръ со своими сверстниками Франсуа избѣгалъ, посвящая все свободное время чтенію Гомера и Виргилія въ подлинникѣ: не зная еще хорошенько ни латинскаго, ни греческаго языка, десятилѣтній мальчикъ наслаждался музыкальностью стиховъ ¹⁾. Въ мартѣ 1801 г. нѣжно любившій его старшій братъ Жакъ Жозефъ взялъ мальчика къ себѣ въ Гренобль, главный городъ департамента Изеры (département de l' Isère), чтобы дать ему возможность продолжать образованіе. Въ Греноблѣ Франсуа посѣщалъ частное училище аббата Дюссера (Dussert) и вмѣстѣ съ тѣмъ, поступилъ въ центральную школу. Но мысли мальчика направлены были въ иную сторону: онъ мечталъ о томъ, чего не находилъ въ учебникахъ,—объ установленіи точной хронологіи древнѣйшихъ народовъ. Съ этою цѣлью Шампольонъ ревностно принимается за изученіе еврейскаго языка, чтобы имѣть возможность читать книги Ветхаго Завета въ подлинникѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увлекается греческими и римскими писателями. Однажды Жакъ Жозефъ засталъ младшаго брата за слѣдующимъ занятіемъ: вырвавъ изъ Геродота, Страбона, Діодора, Плинія и Плутарха всѣ страницы, содержащія упоминаніе о древнемъ Египтѣ, и расположивъ эти листки передъ собою, мальчикъ весь погрузился въ ихъ сравненіе и изученіе, и только изумленное восклицаніе брата вывело его изъ забытья ²⁾. Вскорѣ старшій братъ разрѣшилъ Франсуа приступить, наряду съ занятіями древне-еврейской грамматики, къ изученію трехъ другихъ семитическихъ языковъ: арабскаго, сирійскаго и халдейскаго. Но необыкновенная пытливость маленькаго Шампольона не останавливается на этомъ: раздобывъ гдѣ-то словарь китайскаго языка, онъ начинаетъ сравнивать китайскія письмена съ египетскими и, не зная ничего о тео-

¹⁾ H. Hartleben, I, стр. 23.

²⁾ H. Hartleben, I, стр. 38.

рѣхъ Дегиня (Deguignes), Бартеlemi и др., съ дѣтскою самоувѣренностью доказываетъ происхожденіе египетскихъ іероглифовъ изъ китайскаго письма. Онъ пробуетъ даже прочесть, съ помощью перевода китайскаго текста, египетскія письма (1). Наряду съ ревностнымъ изученіемъ языковъ, Франсуа не переставалъ интересоваться исторіей и мифологіей древнихъ народовъ: онъ даже написалъ небольшое, но совершенно самостоятельное сочиненіе, посвященное сказанію о великанахъ (*Remarques sur la fable des géants*), сочиненіе, которое Шампольонъ впоследствии назвалъ своею первою глупостью (*ma première bêtise*).

Въ ноябрѣ 1804 года въ Греноблѣ былъ открытъ лицей, одинъ изъ тѣхъ лицеевъ съ строгимъ интернатомъ и чисто-военною дисциплиною, которые учреждались во Франціи декретомъ Наполеона отъ 16 флореаля XI-го года по республиканскому календарю (6 мая 1803 г.). Для Франсуа настало тяжелое время: его письма къ брату изъ лицея, куда мальчикъ долженъ былъ перейти, полны самыхъ искреннихъ жалобъ. Онъ умолялъ брата взять его изъ „этой тюрьмы“, гдѣ ему не давали возможности заниматься интересовавшею его работою. Дѣло въ томъ, что въ ту пору мальчикъ страстно увлекся коптскимъ языкомъ, на родство котораго съ древне-египетскимъ указывали уже многіе европейскіе ученые. И вотъ, Франсуа съ жаромъ отдался изученію коптской грамматики, урывая для этого ночные часы (2). вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ приступить къ изученію эѳіопскаго языка, какъ одного изъ живыхъ языковъ современнаго Египта. Въ лицей же Франсуа написалъ рядъ замѣтокъ на темы по ветхозавѣтной литературѣ и исторіи Египта. Въ концѣ 1806 г. юный Шампольонъ приступилъ къ составленію давно задуманнаго имъ Географическаго словаря Востока (на арабскомъ языкѣ), а также Исторіи Египта при фараонахъ. Сознвая необходимость близкаго знакомства съ научною литературою европейскихъ культурныхъ народовъ, Шампольонъ стремится овладѣть итальянскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками (3).

1) *H. Hartleben*, I, стр. 40.

2) *H. Hartleben*, I, стр. 49.

3) *H. Hartleben*, I, стр. 60.

Въ августѣ 1807 г. Шампольонъ окончилъ курсъ лицея. Спустя нѣсколько дней онъ представилъ Гренобльской Академіи Наукъ составленную имъ географическую карту Египта и прочелъ Введеніе къ своему большому труду. Пораженное гениальностью юноши, собраніе единогласно постановило немедленно избрать его въ члены Академіи ¹⁾. Передъ семнадцатилѣтнимъ юношей раскрывались широкія перспективы научной работы въ столицѣ. Уже въ сентябрѣ того же года Франсуа Шампольонъ, вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ, отправился въ Парижъ.

Парижъ былъ въ то время крупнѣйшимъ центромъ умственной жизни. Онъ блисталъ такимъ созвѣздіемъ великихъ ученыхъ, какимъ не могъ похвалиться ни одинъ городъ въ Европѣ. Сюда, въ эту „столицу міра“, стремились молодые ученые изъ всѣхъ странъ, чтобы достойнымъ образомъ завершить свое образованіе. Подобно другимъ наукамъ, востоковѣдніе достигло въ Франціи пышнаго расцвѣта. Тотчасъ же по прибытіи въ Парижъ, Шампольонъ посѣтилъ двухъ выдающихся ориенталистовъ того времени—Сильвестра де Саси (de Sacy) и Луи Матѣ Ланглэ (Langlès) и съ новымъ жаромъ принялся за научныя занятія, въ которыхъ старался заглушить тоску по родинѣ и близкимъ. Въ Парижской Библиотекѣ (называвшейся, смотря по государственному строю Франціи, королевскою, императорскою и національною) Шампольонъ нашелъ большое количество коптскихъ рукописей, которыя и привлекли особенное вниманіе юнаго изслѣдователя. Изученіе этихъ рукописей доставило ему богатый матеріалъ для дальнѣйшей обработки „Географіи Египта“, которую онъ намѣренъ былъ предпослать своему обширному труду: „Египетъ при фараонахъ“. Матеріальное положеніе Шампольона было въ ту пору тяжело, несмотря на постоянную помощь со стороны старшаго брата ²⁾. Въ Парижѣ Шампольонъ изучалъ санскритъ, зендъ, пехльви, писалъ сочиненія на различныя, интересовавшія его темы, напр., объ именахъ музыкальных инструментовъ у евреевъ, халдейцевъ, арабовъ, сирійцевъ и эѳіоповъ, объ еврейской нумизматикѣ и др. При этомъ, онъ не упускалъ изъ виду и

¹⁾ Н. Hartleben, I, стр. 69.

²⁾ Н. Hartleben, I, стр. 95, 113.

главной цѣли всей своей жизни, дешифровки египетскихъ іероглифовъ. Къ этому же времени относится появленіе перваго печатнаго труда будущаго основателя египтологіи, а именно замѣтки по поводу статьи Купэ (Couré) о Египтѣ ¹⁾.

Но вотъ студенческіе годы (сентябрь 1807—октябрь 1809) окончились, и въ жизни Шампольона наступилъ новый періодъ. Восемнадцатилѣтній юноша назначенъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Гренобльскаго университета по кафедрѣ исторіи. Жакъ Жозефъ, называвшій себя, въ отличіе отъ младшаго брата, Фижакомъ (Champollion Figeac), также получилъ къ тому времени профессуру греческой словесности и секретарство на историко-филологическомъ факультетѣ (Faculté des lettres) въ Греноблѣ. Это обстоятельство не замедлило доставить обоимъ братьямъ много враговъ. Между тѣмъ молодой ученый ревностно продолжалъ работать надъ своимъ обширнымъ трудомъ о Египтѣ временъ фараоновъ и въ сентябрѣ 1810 г. приступилъ къ печатанію первой части (географіи Египта). По настоянію брата, Шампольонъ разослалъ различнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ ученымъ тридцать оттисковъ „Введенія“ къ своему труду, чтобы, въ виду появленія книги Катрмера аналогичнаго содержанія, предупредить всякую возможность обвиненія въ плагиатѣ. 7-го августа 1810 г. Шампольонъ прочиталъ въ засѣданіи Академіи докладъ о древне-египетскомъ письмѣ, докладъ, заключавшій въ себѣ, наряду съ ошибочными утвержденіями, и нѣсколько тонкихъ наблюденій и правильныхъ выводовъ ²⁾. 13-го августа 1811 г. юный академикъ прочелъ докладъ о Нилѣ, его рукавахъ и ихъ наименованіяхъ въ древности, 5-го сентября—рефератъ о каталогѣ коптскихъ рукописей, составленномъ Соэгою. Въ февралѣ 1812 г. старшій Шампольонъ былъ назначенъ директоромъ городской бібліотеки, а младшій—его ассистентомъ, что дало ихъ врагамъ еще больше поводовъ для всевозможныхъ преслѣдованій. Между тѣмъ, Франсуа усердно изучалъ первый томъ текстовъ и таблицъ знаменитаго Description de l' Egypte (плода Наполеоновской экспедиціи въ Египетъ)

¹⁾ Эта замѣтка помѣщена была въ журналѣ Annales du Departem de l' Isère отъ 17 іюля 1808 г. и подписана инициалами: J. Fr. C. (Hartleben, I, стр. 117).

²⁾ H. Hartleben, I, стр. 151 сл.

и подготовлялъ къ печати рядъ новыхъ изслѣдованій. Въ 1814 г. появилось, наконецъ, его двухтомное сочиненіе: „L' Egypte sous les Pharaons“. Но его занятія вскорѣ снова были прерваны бурными днями паденія Наполеона и оккупациі страны союзническими войсками. Но вотъ гениальный полководецъ неожиданно высадился во Франціи. 8 го марта 1815 г. Шампольонъ вмѣстѣ съ прочими членами факультета былъ представленъ Бонапарту, который встрѣтилъ молодого ученаго очень ласково. Старшій братъ, приглашенный Наполеономъ въ личные секретари, всецѣло находился подъ обаяніемъ личности этого почти миеологическаго гиганта. Но прошло „сто дней“, и все измѣнилось. Бурбоны снова возвратились въ Тюльери, и новый префектъ, графъ де Монливо (de Montlivaut) сталъ ожесточенно преслѣдовать братьевъ и, въ концѣ концовъ, настоялъ на ссылкѣ ихъ въ гор. Фижакъ. Графъ Бастаръ д' Этанъ (Bastard d' Estang), чрезвычайный полицейскій комиссаръ, давая, въ своей докладной запискѣ министру (отъ 19 марта 1816), характеристику обоихъ братьевъ, писалъ, между прочимъ, что это—крайне беспокойные люди, представляющіе тѣмъ большую опасность, что въ нихъ лицемѣріе соединяется съ значительномъ талантомъ, умомъ и познаніями ¹⁾. 2-го апрѣля 1816 г. братья прибыли въ свой родной городъ, ставшій для нихъ отнынѣ мѣстомъ ссылки. Она продолжалась полтора года (отъ апрѣля 1816 г. до октября 1817 г.).

Въ ихъ старомъ, насиженномъ гнѣздѣ не было уже матери, скончавшейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Отецъ давно предоставилъ веденіе дѣлъ старшей дочери Терезѣ. въ то время какъ младшая сестра ея Марія занималась хозяйствомъ; обѣ сестры сходились въ той беззавѣтной привязанности, которою онѣ окружали братьевъ, и которая почти граничила съ культомъ. Первое время изгнанники посвящали составленію жалобъ и протестовъ, остававшихся, впрочемъ, безрезультатными. Ссылка, постигшая Шампольона, неожиданное крушеніе всѣхъ его надеждъ страшно удручали нашего ученаго. А тѣмъ временемъ надъ гренобльскою Библиотекой, по выраженію Франсуа, собиралась уже цѣлая стая голодныхъ коршуновъ, намѣревавшихся захва-

¹⁾ Н. Hartleben, I, стр. 236, примѣч. 1.

тять должности, занимаемая братьями ¹⁾. Мысли молодого египтолога съ тоской обращались къ Греноблю, гдѣ онъ оставилъ не только всѣ свои научные матеріалы, но и горячо

F. Champollion le Jeune

Рис. 4. Франсуа Шампольвъ.

любимую невѣсту, Розину Блакъ ²⁾, кузину своей невѣстки

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 144.

²⁾ Она родилась въ 1794 г., т. е. была на четыре года моложе своего жениха.

(жены брата); отецъ молодой дѣвушки, богатый фабрикантъ, постоянно попрекалъ свою дочь „ссылнымъ женихомъ“. Чтобы заглушить порывы острой тоски, братья обратились къ педагогической дѣятельности: они устроили народную школу съ ланкастерскимъ методомъ обученія. Вскорѣ изъ Гренобля пришло извѣстіе о томъ, что должность бібліотекаря предана Дюкуану (Ducouin).

Между тѣмъ политическій горизонтъ внутри Франціи сталъ понемногу проясняться: Людовикъ XVIII распустилъ „безподобную“ палату, и вскорѣ, 14 января 1817 г. младшему Шампольону дозволено было проживать въ Гренобль (старшій братъ получилъ это разрѣшеніе еще въ ноябрѣ 1816 г.). Но въ Фижакѣ ихъ ожидала еще одна крупная неприятность: разореніе отца ¹⁾. Устроивъ кое-какъ финансовыя дѣла, Франсуа Шампольонъ въ октябрѣ 1817 г. вернулся въ Гренобль; старшій братъ еще ранѣе выѣхалъ въ Парижъ.

Наступилъ новый періодъ въ жизни Шампольона, періодъ оживленной педагогической дѣятельности въ Греноблѣ (отъ конца 1817 г. до середины 1821 г.). Онъ посвящалъ весь свой досугъ и всѣ свои силы дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, искренно привязались къ своему наставнику и другу. Педагогическая дѣятельность Шампольона вскорѣ прервана была небольшимъ дипломатическимъ порученіемъ, поставившимъ его въ извѣстныя отношенія къ Пьемонту; ему предложена было даже кафедра исторіи и древнихъ языковъ въ Туринѣ, но онъ отклонилъ приглашеніе. Впрочемъ, Шампольонъ вынужденъ былъ вскорѣ принять изъ-за матеріальныхъ соображеній должность преподавателя въ гренобльскомъ Лицеѣ. Но онъ не оставлялъ и своихъ научныхъ занятій, особенно во время лѣтнихъ каникулъ, которыя онъ проводилъ въ Вифѣ (Vif). 30-го декабря 1818 г. состоялась свадьба обрученныхъ. Въ сентябрѣ слѣдующаго года Жакъ Жозефъ снова былъ назначенъ на должность бібліотекаря, несмотря на всѣ протесты Дюкуана, не желавшаго, по язвительному замѣчанію Шампольона, „разстаться съ мѣстомъ, за которое онъ заплатилъ цѣною чести“ ²⁾. Опять исполнились старыя

¹⁾ Н. Hartleben, I, стр. 259 слл.

²⁾ Н. Hartleben, I, стр. 311 сл.

враги. Въ январѣ 1820 г. въ одномъ парижскомъ журналѣ (*Le Conservateur*) появилась статья, направленная противъ Шампольона-Фижака, который находился въ то время въ Парижѣ. Франсуа отвѣчалъ на статью язвительною сатирой, но постоянныя нападки и преслѣдованія раздражали его, такъ что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ непріятностей онъ перенесъ нервный припадокъ и даже принужденъ былъ лечь въ постель. 3-го марта Шампольонъ былъ внезапно устраненъ отъ преподаванія въ Лицеѣ. Онъ утѣшалъ своего брата, говоря, что это обстоятельство послужитъ на пользу его египтологическимъ занятіямъ. Но вскорѣ снова настали бурные дни борьбы партій, и въ іюнѣ 1821 г. Франсуа Шампольонъ окончателно былъ уволенъ отъ должности преподавателя Лицея, а упорный врагъ его Дюкуанъ еще раньше снова получилъ должность Шампольона-Фижака. Враги могли праздновать полную побѣду...

Въ іюль 1821 г. Шампольонъ переѣхалъ въ Парижъ, въ которомъ не былъ уже болѣе одиннадцати лѣтъ. Нѣкогда онъ покидалъ столицу юнымъ профессоромъ, полнымъ самыхъ радужныхъ надеждъ, теперь же онъ возвращался въ Парижъ измученнымъ ударами судьбы, въ корнѣ подрывавшими всю его вѣру въ людей и правду. Только любимая наука, только творческая работа мысли да еще дружба съ маститымъ ученымъ, барономъ Дасье ¹⁾ доставляла ему утѣшеніе и свѣтлую, незапятнанную радость ²⁾. Именно въ этотъ періодъ жизни (іюль 1821 г.—май 1824 г.) Шампольону суждено было сдѣлать величайшія открытія въ области дешифровки египетскихъ іероглифовъ, открытія, покрывшія его имя вѣчною, неувядаемою славой.

Уже de Guignes высказалъ въ 1766 г. предположеніе, что овалы, окружающіе нѣкоторые іероглифы, заключаютъ въ себѣ собственныя имена или титулы, и что іероглифическое письмо египтянъ является алфавитнымъ и въ то же время слоговымъ. Датскій ученый Соэга, какъ мы видѣли, доказывалъ, что іероглифы находились въ употребленіи вплоть до паденія язычества, и что знаки, стоящіе внутри овальныхъ колецъ, представляютъ собою имена царей, написан-

¹⁾ Баронъ Von-Joseph *Dacier* родился въ 1742 г.

²⁾ *H. Harleben*, I, стр. 345 слл.

ныя при помощи звуковыхъ знаковъ. Шведскій археологъ Давидъ Окербладъ (Åkerblad) пытался въ 1802 г. установить, на основаніи Розеттской надписи, демотическій алфавитъ, правда, не вполне удачно, такъ какъ, подобно С. де Саси, онъ упустилъ изъ виду законъ игнорированія гласныхъ въ семитическомъ письмѣ, а также не подозрѣвалъ о существованіи одинаково звучащихъ знаковъ и такъ называемыхъ детерминативовъ, то-есть опредѣлителей, указывающихъ лишь общее значеніе слова, или кругъ идей, къ которому данное слово принадлежитъ. Тѣмъ не менѣе Окербладу первому удалось установить, что демотическій шрифтъ передавалъ иностранныя имена фонетическими (буквенными) начертаніями. Шестнадцать лѣтъ спустя знаменитый англійскій физикъ Томасъ Юнгъ (1773—1829), основатель волнообразной теоріи свѣта, заинтересовавшись таинственными египетскими письменами, сталъ изучать ихъ и въ 1818 г., въ порывѣ геніальнаго вдохновенія, угадалъ значеніе почти всѣхъ восьми іероглифовъ, составляющихъ имя Птолемея; онъ читалъ ихъ такъ: p+t+?+olo+ma+i+os (вмѣсто правильнаго: p+t+w;+rw+m+j+s).

Между всѣми названными здѣсь учеными существовало глубокое взаимное недоверіе: каждый стремился во чтобы то ни стало обезпечить за собою первенство въ дѣлѣ дешифровки іероглифовъ. Окербладъ подозрѣвалъ Юнга въ томъ, что тотъ тайно воспользовался его открытіемъ, Саси сообщалъ Юнгу обидныя, ни на чемъ не основанныя предположенія на счетъ Шампольона, предостерегая англійскаго физика отъ „шарлатанства“ своего соотечественника ¹⁾. Между тѣмъ Шампольонъ дѣятельно продолжалъ свои

1) Такъ, въ письмѣ отъ 20 іюля 1815 г. Саси писалъ Юнгу: „Если я могу дать Вамъ какой-либо совѣтъ, такъ это—не слишкомъ довѣрять своихъ открытій г. Шампольону. Можетъ статься, что онъ потомъ будетъ претендовать на приоритетъ. Онъ пытается въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего труда увѣрить, что онъ прочелъ много словъ въ Розеттской надписи. Я очень боюсь, какъ-бы тутъ не было шарлатанства“. Въ другомъ посланіи (отъ 20 января 1816 г.) онъ называетъ Шампольона „вороной въ навлинныхъ перьяхъ“ (un geai paré des plumes du raon) и прибавляетъ при этомъ, что такая роль зачастую кончается очень скверно. См. *H. Hartleben*. I, стр. 373, примѣч. 2.

изысканія въ любимой области. Въ жизни великихъ людей можно подмѣтить одну общую черту: основные идеалы ихъ будущей дѣятельности обнаруживаются очень рано, зачастую въ дѣтскомъ возрастѣ. Мы наблюдаемъ это и въ жизни Шампольона. Еще 30 августа 1808 г. онъ посылаетъ брату „свой первый шагъ“ (mon premier pas) въ томъ дѣлѣ, которое стало впослѣдствіи цѣлью всей его жизни,—сравненіе демотическихъ знаковъ Розетскаго камня съ письмомъ папирусовъ ¹⁾. За четыре года до того, какъ Юнгъ заинтересовался египетскими письменами, въ 1810 г., Шампольонъ вполне самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ заключенію, что нѣкоторые іероглифы, по крайней мѣрѣ тѣ, что составляютъ имена иноземныхъ царей и народовъ, должны были носить фонетическій характеръ. 11 февраля 1813 г. онъ высказалъ предположеніе, что въ іероглифической системѣ письма окончанія и грамматическія формы выражались приставками и суффиксами, которые, подобно коптскому языку, состояли изъ звуковъ *i, k, t, s, f, u* ²⁾. Такимъ образомъ Шампольонъ впервые съ увѣренностью высказалъ мысль о существованіи опредѣленныхъ фонетическихъ (буквенныхъ) іероглифовъ. Въ 1818 г. онъ нашелъ одинъ изъ іероглифовъ, а именно знакъ, изображающій улитку (рогатую гадюку, *séraste*—по терминологіи Шампольона) и произносившійся какъ *f*. Это открытіе было сдѣлано имъ слѣдующимъ образомъ: 3-му лицу единств. числа греческаго текста на Розетскомъ камнѣ соотвѣтствовало изображеніе улитки въ іероглифической части надписи. Благодаря долготному изученію различныхъ системъ египетскаго письма, Шампольонъ легко могъ установить, что соотвѣтствующіе знаки въ коптскомъ, демотическомъ и іератическомъ письменахъ восходятъ къ одному и тому же прообразу, улиткѣ іероглифовъ. А такъ такъ въ коптскомъ языкѣ этотъ знакъ произносится какъ *f*, то, слѣдовательно, и іероглифическое изображеніе должно было обозначать *f*, признакъ 3 л. ед. ч. въ коптской грамматикѣ ³⁾. Но въ ту пору Шампольонъ все еще не могъ отрѣшиться отъ ложнаго, вѣками сложивша-

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 108—109; II, стр. 557. Приложение II, 1.

²⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 378.

³⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 383.

гося представленія объ исключительно символическомъ характерѣ іероглифическаго письма. Въ апрѣль 1819 г. онъ находитъ, что іероглифическая часть Розеттской надписи сохранилась лишь въ $\frac{1}{3}$ своего первоначальнаго размѣра, и отмѣчаетъ въ греческомъ текстѣ мѣсто, которое соотвѣтствовало началу сохранившейся части. На основаніи этихъ данныхъ онъ справедливо опровергаетъ утвержденіе Юнга, что въ іероглифическомъ отрывкѣ должно находиться имя Арсинои. Продолжая свои изысканія, Шампольонъ къ веснѣ 1821 г. могъ уже установить для каждаго іератическаго знака соотвѣтствующій іероглифъ; тогда-то онъ впервые убѣдился въ томъ, что въ Египтѣ, на всемъ протяженіи его многовѣковой исторіи, господствовала, въ сущности, только *одна* система письма ¹⁾. Шампольонъ быстрыми шагами подвигался къ намѣченной цѣли. 23-го декабря 1821 г., путемъ простыхъ ариметическихъ выкладокъ, онъ пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности традиціоннаго взгляда на іероглифы, какъ на чисто картинное письмо: іероглифическая часть Розеттской надписи состояла изъ 149 знаковъ, греческій же текстъ содержалъ въ себѣ около 486 словъ; при такихъ обстоятельствахъ одинъ іероглифъ не могъ, конечно, служить для передачи цѣлаго слова ²⁾. Тогда, на основаніи подмѣченныхъ имъ соотвѣтствій между демотическими и іероглифически начертаніями, онъ разложилъ на элементы имя Птолемея (рис. 3 а), предположивъ въ немъ слѣдующія буквы: $p+t+o+l+m+i+s$. Его толкованіе было вѣрнѣе, нежели чтеніе Юнга; но Шампольонъ не рѣшался опубликовать тотчасъ же свое открытіе, такъ какъ ему было извѣстно о существованіи памятника, который могъ подтвердить или разрушить его предположеніе. Онъ зналъ, что въ двуязычной надписи на обелискѣ изъ Филъ имя Клеопатры, судя по греческому тексту, должно было находиться и въ іероглифической части. Въ январѣ 1822 г. ему удалось получить отъ Банкаса (Bankes) копію съ этой надписи ³⁾, и,

¹⁾ Н. Hartleben, I, стр. 387.

²⁾ Н. Hartleben, I, стр. 400.

³⁾ Впослѣдствіи Банкасъ обвинялъ Шампольона въ плагиатѣ, такъ какъ, пересылая копію, первый отмѣтилъ на ней карандашемъ слово „Клеопатра“, не упомянувъ, впрочемъ, ничего о природѣ и значеніи отдѣльных іероглифовъ; а Юнгъ, въ свою очередь, обвинялъ въ плагиатѣ Банкаса (Н. Hartleben, I, 405—406).

дѣйствительно, имя Клеопатры стояло тамъ почти въ такой же формѣ, какую онъ предполагалъ на основаніи знаковь демотического письма (рис. 3 б). Это открытіе подтверждало правильность чтенія знаковь *p, o, l* и давало новыя буквы: *k, r, e, a* и второй знакъ для *t*, такъ что Шампольонъ зналъ теперь въ общемъ уже двѣнадцать іероглифовъ: *a, e, i, k, l, m, o, p, r, s, t, t*. Съ этого момента дѣло стало быстро подвигаться впередъ; но нашъ ученый предпочиталъ пока держать свои открытія въ строгой тайнѣ. Имя Александръ (рис. 3 в) дало ему три новыхъ знака (*n*, второй знакъ для *k* и второй знакъ для *s*), что, вмѣстѣ съ предыдущими, давало уже пятнадцать іероглифовъ ¹⁾. Но онъ все еще не догадывался, что и египетскія слова писались въ общемъ по тому же принципу. 14-го сентября 1822 г. онъ получилъ новую копію надписи изъ Египта съ царскими именами, въ которыхъ съ перваго же взгляда узналъ имена Рамсеса и Тутмоса. И въ этотъ моментъ онъ ясно понялъ, что нашелъ истинный ключъ къ рѣшенію многовѣковой загадки. У него хватило еще силъ поспѣшить къ брату, работавшему въ Институтъ, и воскликнуть: „Теперь я добился!“ (Je tiens l'affaire); но тутъ силы оставили его, и Шампольонъ упалъ безъ чувствъ ²⁾. Спустя нѣсколько дней, немного оправившись отъ нервной слабости, Шампольонъ составилъ, съ помощью брата, знаменитое письмо къ Дасье, помѣченное 22-мъ сентября ³⁾, а 27-го сентября 1822 г., въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, великій ученый сообщилъ, что тайна іероглифовъ раскрыта. Въ этотъ день родилась новая наука—египтологія, или, по выраженію *Gooch'a*, покрывало Иисиды было сорвано...

Юнгъ имѣлъ возможность убѣдиться въ громадномъ значеніи открытія своего соперника только изъ печатнаго текста письма къ Дасье, опубликованнаго въ томъ же 1822 году. Летроннъ (Letronne), извѣстный французскій эллинистъ той

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 405—408.

²⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 421—422.

³⁾ Lettre à M. Dacier, relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques, employés par les Egyptiens pour inscrire sur leurs monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains. У меня подъ руками текстъ этого письма, помѣщенный во второй главѣ 2-го изданія *Précis du syst. hiéroggl.* Парижъ 1828, стр. 41—89.

эпохи, въ письмѣ къ Юнгу называлъ Шампольона „шарлатаномъ“. Но де-Саси, Араго и др. ученые стали на сторону Шампольона, и Юнгу пришлось утѣшать себя и другихъ тѣмъ, что французскіе ученые изъ-за національнаго самолюбія стараются насильно вырвать изъ его рукъ пальму первенства. Однако, въ Германіи Александръ фонъ-Гумбольдтъ перешелъ на сторону Юнга, и вокругъ этого вопроса поднялась цѣлая буря споровъ, востороговъ и обвиненій, похвалъ и негодованія. Возникла борьба, которую можно сравнить лишь съ знаменитымъ споромъ между Ньютономъ и Лейбницемъ или между Ч. Дарвиномъ и его противниками.

На Шампольона яростно нападали не только нѣмецкіе ученые Ф. А. Шпонъ (1792—1824), братья А. и В. Гумбольдты, Газе, но и петербургскій академикъ Юл. Клапротъ (1783—1835), и русскій грекъ А. Гульяновъ, и французскій эллинистъ Рошеттъ (а отчасти и Летроннъ), и многіе другіе, имена которыхъ только благодаря этому и остались въ лѣтописяхъ научной мысли, такъ какъ иначе, конечно, исчезли бы во мракѣ времянь безъ всякаго слѣда. Но ничто не могло смутить великаго египтолога, и онъ бодро шелъ дальше. Въ 1823 г. началъ выходить въ свѣтъ его *Panthéon Egyptien*, въ 1824 г. появился его замѣчательный трудъ: *Précis du Système hiéroglyphique des anciens Egyptiens* ¹⁾ и рядъ болѣе мелкихъ работъ. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Шампольонъ оказался уже въ состояніи перевести короткую надпись Аменофиса III, а въ 1827 г. онъ почти безошибочно перевелъ трудный текстъ надписи на одномъ изъ итальянскихъobelisksовъ. Мало-по-малу общественное мнѣніе начало склоняться въ пользу Шампольона, и Александръ фонъ Гумбольдтъ однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ его и поздравлялъ съ побѣдою.—Въ маѣ 1824 г. Шампольонъ вернулся въ Гренобль, чтобы оттуда отправиться въ путешествіе по Италіи.

7-го іюня Шампольонъ прибылъ въ Туринъ. Этотъ городъ

¹⁾ Полное заглавіе этого труда слѣдующее: *Précis du Système hiéroglyphique des anciens Egyptiens ou Recherches sur les éléments premiers de cette écriture sacrée, sur leurs diverses combinaisons et sur les rapports de ce système avec les autres méthodes graphiques égyptiennes*. У меня подъ руками 2-ое изданіе 1828 года.

славился въ ту пору своей коллекціей египетскихъ древностей, собранной Дроветти и прибрѣтенной въ 1824 г. за 415.000 франковъ. Шампольонъ ревностно занялся изученіемъ слывшей первую въ мірѣ коллекціи, посвящая все остальное время исторіи Востока, древне-египетскому искусству и, особенно, хронологіи ¹⁾. Но судьба и здѣсь преслѣдовала великаго египтолога, посылая ему на каждомъ шагѣ непредвидѣнныя препятствія и разочарованія. Директоръ Музея, Санъ-Квинтино всячески старался мѣшать занятіямъ Шампольона надъ папирусами, не разрѣшалъ выдавать ученому каждый разъ болѣе трехъ папирусовъ, между тѣмъ какъ египтологъ нуждался, для сличенія и изслѣдованія ихъ, въ возможно большемъ ихъ количествѣ ²⁾. Къ тому же, матеріальныя невзгоды сильно удручали его ³⁾. Несмотря на столь неблагоприятныя обстоятельства, Шампольону удалось открыть знаменитый Туринскій Царскій папирусъ, содержащій въ себѣ полный списокъ царей, начиная съ миѳическихъ временъ и кончая XVI-ю династіей, съ датами въ годахъ, мѣсяцахъ и дняхъ. Онъ собралъ множество отдѣльных обрывковъ папируса и, можно сказать, спасъ для науки этотъ драгоценный памятникъ египетской письменности. Непрерывавшіяся интриги директора Музея заставили Шампольона ускорить свой отъѣздъ изъ Турина: но могъ ли гениальный египтологъ подозрѣвать, что и Санъ-Квинтино впоследствии обвинить его... въ плагиатъ ⁴⁾.

Въ мартѣ 1825 г. Шампольонъ оставилъ Туринъ и направился черезъ Миланъ, Пьяченцу, Парму, Реджо, Модену и Болонью въ Римъ; затѣмъ, посѣтивъ Неаполь, Помпеи, Пестумъ, онъ снова съ жаромъ отдался научной работѣ, изучая тексты обелисковъ, папирусы и т. д. ⁵⁾. Но и здѣсь враги не оставили его въ покоѣ. Среди католическаго духовенства нашлись даже лица (Ланчи и др.), распространявшія слухи, что возрѣнія Шампольона противорѣчатъ Библии. Впрочемъ, папа милостиво принялъ его въ особой ауденціи и подтвердилъ съ высоты престола, что своимъ открытіемъ онъ ока-

1) *H. Hartleben*, I, стр. 500 слл.

2) *H. Hartleben*, I, стр. 518 слл.

3) *H. Hartleben*, I, стр. 522.

4) *H. Hartleben*, I, стр. 552.

5) *H. Hartleben*, I, стр. 554 слл.

заль большую услугу церкви ¹⁾. Изъ Рима Шампольонъ отправился во Флоренцію и Туринъ, а оттуда на родину; но затѣмъ онъ снова отправляется въ Италію. На этотъ разъ онъ спѣшилъ въ Ливорно, чтобы познакомиться съ коллекціей египетскихъ древностей, которую французское правительство намѣрено было пріобрѣсти. Въ Ливорно, куда онъ прибылъ въ мартъ 1826 года, онъ познакомился съ молодымъ итальянскимъ филологомъ Ипполито Розеллини, который произвелъ на великаго египтолога самое лучшее впечатлѣніе ²⁾. Отправивъ коллекцію въ Парижъ, Шампольонъ продолжалъ свое путешествіе по Италіи: онъ посѣтилъ Флоренцію, Перуджу, Римъ, Неаполь, Ливорно, Болонью, Венецію, а отсюда рѣшилъ уже направиться во Францію. Но враги великаго ученаго все еще не могли успокоиться: Рошеттъ, Жомаръ, Юнгъ, Зейффартъ, Ланчи и многіе иные еще пуще прежняго обвиняли его во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ ³⁾.

Между тѣмъ Шампольонъ былъ назначенъ консерваторомъ египетскаго отдѣла въ Луврѣ, составившагося изъ упомянутой выше коллекціи. Въ этой должности онъ оставался до конца іюля 1828 г. Къ этому времени относится появленіе втораго изданія его *Précis du Système hiéroglyphique* и рядъ полемическихъ сочиненій ⁴⁾.

Мечты о далекомъ паломничествѣ въ „обѣтованную землю“, въ Египетъ все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. И вотъ, наконецъ, въ 1828 г. ему было поручено французскимъ правительствомъ взять на себя руководство научною экспедиціей въ Египетъ, къ которой присоединилась тосканская экспедиція во главѣ съ Розеллини ⁵⁾. Это путешествіе по Египту въ общей сложности продолжалось болѣе года.

18 августа 1828 г. корветъ бросилъ якорь въ Александрійской гавани. Трудно передать восторгъ Шампольона. „Я поцѣловалъ египетскую землю, ступивъ на нее въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ нетерпѣливаго ожиданія“—разказы-

¹⁾ *H. Hartleben*, I, стр. 575.

²⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 16.

³⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 26 сл., 43 слл.

⁴⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 67—172.

⁵⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 93, 138 слл.

ваетъ онъ въ своихъ письмахъ ¹⁾. Шампольону удалось посѣтить наиболѣе замѣчательныя мѣстности Египта и Нубіи. Плодомъ этого путешествія явились *Monuments de l' Egypte et de la Nubie d' après les desseins exécutés sur les lieux, sous la direction de Champollion le Jeune*, изданные по распоряженію министровъ Гизо и Тьера въ 1835—1847 г.г. и *Lettres écrites d' Egypte et de Nubie* (первое изданіе вышло въ Парижѣ, въ 1833 г.), отличающіяся яркимъ, художественнымъ языкомъ и необыкновенно богатымъ содержаніемъ. Въ началѣ декабря 1829 г. Шампольонъ разстался съ священной для него почвой Египта и 23 декабря, въ день своего рожденія ²⁾, онъ увидѣлъ издали берега родной Франціи, а 25-го онъ былъ уже въ Тулонѣ.

Шампольонъ былъ очень доволенъ результатами своего путешествія. Грандіозные планы грядущихъ работъ носились въ его воображеніи. „Египетъ пройденъ шагъ-за-шагомъ— писалъ онъ—и я останавливался всюду, гдѣ только время сохранило какіе-либо остатки античнаго блеска; каждый памятникъ былъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія; я просилъ зарисовывать всѣ барельефы и копировать всѣ надписи, которые могли пролить свѣтъ на первоначальное состояніе народа, имя котораго связано съ древнѣйшими литературными преданіями. Матеріалы, которые я собралъ, превзошли мои ожиданія. Мои портфели хранятъ въ себѣ величайшія сокровища, и я считаю себя въ правѣ сказать, что исторія Египта, его религіи и созданнаго имъ искусства станетъ намъ извѣстна и будетъ правильно оцѣнена только послѣ опубликованія рисунковъ, явившихся плодомъ моего путешествія“ ³⁾.

4-го марта Шампольонъ возвратился въ Парижъ. Онъ засталъ столицу въ тревожномъ состояніи. Приближалась іюльская революція. Возбужденіе росло. Представители капитала уже намѣтили себѣ кандидата въ лицѣ принца Орлеанскаго, Луи Филиппа. 26-го іюля на улицахъ Парижа появились

¹⁾ „Je baisai le sol égyptien en le touchant pour la première fois après l' avoir si longtemps désiré“ (*Lettres écrites d' Egypte et de Nubie* par Champ. le Jeune, nouv. éd. Paris 1868, стр. 29).

²⁾ Шампольону исполнилось тогда 39 лѣтъ (а не 38, какъ пишетъ г—жа *Hartleben*, II, стр. 372).

³⁾ *Lettres écrites d' Egypte et de Nubie*, 1868², стр. 346.

баррикады, и поднялся бой. Во время уличныхъ беспорядковъ сокровища Лувра подверглись расхищенію, и Шампольонъ пережилъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ ¹⁾.

Когда, съ восшествіемъ на престолъ Луи Филиппа, политическія смуты и передраги нѣсколько улеглись, передъ королемъ возбуждено было ходатайство объ учрежденіи въ Collège de France новой каѳедры специально для Шампольона. Королевскій указъ воспослѣдовалъ 12 марта 1831 г.; новоучрежденная каѳедра называлась, впрочемъ, каѳедрой археологии, а не египтологіи, какъ полагають обыкновенно ²⁾.

Съ пламенной энергіей принялся Шампольонъ за свои новыя обязанности. Первая лекція его состоялась 23-го мая и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ ³⁾. Но неусыпный трудъ, постоянныя передраги и непріятности уже надломили и безъ того слабое здоровье Шампольона. Онъ нуждался въ покоѣ и систематическомъ леченіи, а тяжелое матеріальное положеніе и только-что полученная профессура съ ея сложными обязанностями не давали ему возможности предпринять что-либо существенное для борьбы съ одолѣвавшюю его болѣзнью ⁴⁾. 26-го мая онъ прочелъ вторую лекцію. Тутъ силы окончательно оставили его, и онъ принужденъ былъ прекратить курсъ ⁵⁾. Но грандіозные научные планы не покидали его и теперь. Увы, несчастный и не подозревалъ, что это было начало конца. Правда, послѣ пребыванія въ родной мѣстности, въ Фижакѣ, осенью 1831 года. онъ

¹⁾ Н, *Hartleben*, II, стр. 430 слл.

²⁾ Такъ г—жа *Hartleben* всю XI-ую главу своего труда, посвященную преподавательской дѣятельности Шампольона въ Collège de France, озаглавила: „Die Professur der Aegyptologie“. *Goock*, *History and Historians in the nineteenth Century*, Lond. 1913, стр. 498 пишетъ: a Chair of Egyptian Archaeology was founded for him. Срв. также *Encyclop. Britannica*, 11-ое изд., 1910, томъ V, стр. 831. Между тѣмъ, официальное наименованіе каѳедры явствуетъ изъ словъ королевскаго указа: „Une chaire d' Archéologie est créée au Collège de France. M. Champollion le Jeune, Membre de l' Institut, est nommé professeur de cette chaire“. (*Maspero*, *Annuaire de Collège de France*, V, 1905, стр. 7). Эта каѳедра была переименована въ каѳедру египетской филологіи и археологіи лишь при Наполеонѣ III (*Maspero* *ibid.*, 25).

³⁾ *Hartleben*, II, стр. 477; *Maspero*, стр. 9.

⁴⁾ *Maspero*, стр. 10.

⁵⁾ *Hartleben*, II, стр. 479; *Maspero*, стр. 11.

нѣсколько оправился и считалъ возможнымъ приступить къ продолженію своего курса. Но онъ былъ въ силахъ прочесть только пять лекцій. 2-го декабря въ аудиторіи Шампольонъ почувствовалъ себя настолько плохо, что долженъ былъ прервать лекцію. А черезъ нѣсколько дней его поразилъ апоплексическій ударъ, повлекшій за собою частичный параличъ тѣла.

Но и теперь онъ не забывалъ своихъ научныхъ плановъ, которые роились у него въ головѣ. Онъ слѣшилъ привести въ порядокъ свои замѣтки по египетской грамматикѣ, чтобы, по его собственному выраженію, „оставить визитную карточку потомству“ ¹⁾. 23-го декабря, въ послѣдній день своего рожденія, который еще суждено было ему увидѣть, его перевезли, согласно неотступнымъ просьбамъ, въ тотъ самый домъ, гдѣ родилась на свѣтъ новая наука, и гдѣ онъ не былъ уже много лѣтъ. 12-го января 1832 года съ нимъ приключился второй ударъ, и съ тѣхъ поръ онъ уже не вставалъ съ постели. Онъ говорилъ съ трудомъ. 29-го января параличъ распространился на все тѣло. Только глаза выдавали ужасныя страданія, которыя испытывалъ несчастный ученый. 3-го марта поздно вечеромъ къ умирающему вернулось сознание: еле слышнымъ голосомъ попросилъ онъ принести ему нѣсколько любимыхъ предметовъ изъ его египетской коллекціи. Потухшіе было глаза загорѣлись безконечною радостью и счастьемъ. Спустя нѣсколько часовъ (въ ночь на 4-ое марта 1832 года) великаго мученика науки не стало ²⁾.

Самоотверженный праведникъ XIX-го вѣка, страстотерпецъ новой научной мысли, онъ сгорѣлъ въ короткое время, принесъ всю свою жизнь и всѣ свои силы въ жертву исканію истины и не вынесъ изъ своего недолгаго существованія ни одной незапятнанной радости, ни одного проблеска счастья. Правда, въ пылу полемики онъ, быть можетъ, впадалъ иногда въ рѣзкій, запальчивый тонъ, грѣшилъ порою избыткомъ щепетильности и самолюбія. Все же жизнь его была непрерывнымъ подвигомъ, и печать необыкновенной

¹⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 517.

²⁾ Подробнѣе о послѣднихъ дняхъ Шампольона см. у г-жи *Hartleben*, II, стр. 522 слл.

высоты настроенія, рѣдкаго внутренняго благородства чувствуется въ каждой строчкѣ, написанной Шампольономъ.

Злой рокъ преслѣдовалъ его и послѣ смерти. Юный ученикъ его, Франческо Сальволини похитилъ изъ комнаты умирающаго драгоценныя рукописи, замѣтки и рисунки и въ послѣдствіи выдалъ ихъ за свои собственныя работы ¹⁾. Послѣ смерти Сальволини, въ его бумагахъ найдены были рукописи его покойнаго учителя ²⁾.

Памятники Шампольону поставлены во многихъ мѣстахъ: въ Парижѣ, на площади Согласія, высится луксорскій обелискъ, посвященный ему; въ Collège de France воздвигнутъ памятникъ, изображающій великаго египтолога склонившимся въ задумчивой позѣ. Въ Фижакѣ, родномъ городѣ Шампольона, памятникомъ ему является также обелискъ.

Главный трудъ Шампольона—его Grammaire égyptienne ou Principes généraux de l'écriture sacrée égyptienne appliquée à la représentation de la langue parlée изданъ былъ уже послѣ смерти его, въ 1836—1841 г.г., по распоряженію министра народнаго просвѣщенія Гизо ³⁾. Еще позднѣе, въ 1841—1844 г.г. появился въ свѣтъ іероглифическій словарь Шампольона.

Евг. Кагаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 534 слл., 586 (Приложеніе I. № 24).

²⁾ *H. Hartleben*, II, стр. 547, примѣч. 2.

³⁾ На имѣющемся у меня подъ рукою экземплярѣ этого сочиненія, принадлежащемъ Харьковскому Университету, стоитъ помѣтка: 1844 г. Какимъ изъ тогдашнихъ профессоровъ этотъ знаменитый трудъ былъ заказанъ тогда тотчасъ же по выходѣ его въ свѣтъ, я не могъ установить. Въ библиотекѣ Новороссійскаго Университета этой книги нѣтъ.